

На правах рукописи

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Сабирова Татьяна Михайловна

Научный руководитель:

Голдина Римма Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор (г. Ижевск)

**ФИБУЛЫ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.**

Официальные оппоненты:

Обломский Андрей Михайлович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт археологии Российской академии наук (г. Москва)

Воробьёва Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, хранитель фонда «Археология» государственного бюджетного учреждения культуры и искусства Республики Башкортостан «Национальный музей Республики Башкортостан» (г. Уфа)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет» (г. Уфа)

Специальность 07.00.06 – Археология

Защита состоится 14 мая 2015 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 410.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4 Б. Полный текст диссертации размещён на сайте Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://udsu.ru/>.

Автореферат разослан «06» апреля 2015 г.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Г. Н. Журавлева

Ижевск – 2015

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Застёжки – приспособления для соединения различных элементов одежды – довольно распространённая находка в археологических материалах прикамского региона I тыс. н. э. Среди многочисленных разновидностей застёжек (сюльгам, блях, застёжек с неподвижным крючком, эполетообразных застёжек и др.) особое место занимают фибулы. Современный аналог археологически фиксируемых фибул – броши и булавки. За столетия, отделяющие нас от времени бытования фибул, неоднократно трансформировался их внешний облик, но неизменными оставались две вещи – основа фибулы (игла/игла и пружинный механизм) и декоративное оформление различных конструктивных элементов застёжки. Именно совмещением этих двух составляющих – функциональной нагрузкой (= застёжка одежды) и декором (= украшение) – фибулы интересны для целого ряда специалистов.

Как археологический источник, они обладают огромным потенциалом для реконструкции многих аспектов существования древних обществ: демонстрируют консервативность и устойчивость традиционной культуры, говорят об уровне развития ремесла и ювелирного дела, определяют торгово-культурные контакты племён, характеризуют преемственность поколений, эстетические принципы эпохи и т. д. Изучение фибул как части костюмного комплекса позволяет установить половозрастной, социальный и имущественный статус их владельцев.

Большая часть фибул выполнена из сплавов цветных металлов на основе меди; в силу своих физико-химических свойств такие изделия имеют лучшую (по сравнению с железными украшениями) сохранность, что позволяет эффективно использовать различные современные методики определения технологии их изготовления. Фибулы являются одними из самых технически сложных изделий среди прочих категорий украшений и принадлежностей костюма, поэтому реконструкция технологии их изготовления в полной мере отражает набор производственных операций и приёмов работы с металлом, которые были доступны населению на определённом этапе исторического развития. Выявление конкретных материалов, применяемых для изготовления фибул, восстановление процесса создания изделий и особенностей их декоративного оформления невозможны без обращения к методам естественнонаучных дисциплин. Разработка и реализация этого направления достаточно сложное дело, но полученные результаты, как правило, являются одной из наиболее объективных частей наших представлений о том или ином древнем населении.

В Прикамье в I-й половине I тыс. н. э. на основе привозных импортных экземпляров этих застёжек одежды сформировался свой специфический вариант фибул. Их комплексное разностороннее изучение представляется крайне актуальным, поскольку к настоящему времени у исследователей нет единого мнения о территории, периодизации и хронологии археологических

культур Прикамья I-й половины I тыс. н. э. Археологические материалы этого времени представлены хорошо: с одной стороны, они отличаются типологическим разнообразием, с другой – содержат устойчивые комплексы вещей, свидетельствующих об определённом культурном единстве.

В основе работы лежит концепция Р. Д. Голдиной, базирующаяся на идее «преемственности материальной культуры в пределах бронзового и железного века»¹. Согласно ей, в результате разделения ананьинской общности (VIII–III вв. до н. э.) образовались две новых: гляденовская и пьяноборская. Последняя датируется II в. до н. э. – V в. н. э., охватывает территории Среднего и Нижнего Прикамья, бассейны рек Белой, Ика, Вятки. Это конгломератное образование представлено несколькими археологическими культурами: чегандинской, кара-абызской, худяковской. В свою очередь, чегандинская археологическая культура занимает территорию Среднего и Нижнего Прикамья, имеет три хронологических этапа: икский (II–I вв. до н. э.), ныргындинский (I–III вв. н. э.) и мазунинский (III–V вв. н. э.).

Именно в материалах чегандинской культуры археологически фиксируется заимствование конструкции застёжки, поиск формы и появление собственных типов фибул, в то время как могильники худяковской и кара-абызской культур содержат практически исключительно привозные фибулы, свидетельствующие о путях поступления импорта к населению Среднего Прикамья. Фактически, находки фибул фиксируются в материалах памятников, начавших или продолжающих функционировать после рубежа эр и относящихся к ныргындинской и мазунинской стадиям чегандинской культуры.

Степень изученности. В изучении прикамских фибул условно можно выделить два направления: 1) изучение привозных экземпляров (использование их в хронологических построениях, определении направлений торгово-культурных контактов населения); 2) изучение собственно местных типов фибул, развившихся из группы импортных фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника, с целью определения относительной и абсолютной хронологии материалов.

Работы первого направления представлены, прежде всего, публикациями А. К. Амброза², А. С. Скрипкина³, М. Г. Мошковой⁴, В. Ю. Малашева⁵, В. В.

¹ Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. С. 187.

² Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Археология СССР. САИ, вып. Д1-30. М.: Наука, 1966.

³ Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. 1977. № 2.

⁴ Мошкова М. Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 186-200.

⁵ Малашев В. А. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 130-140.

Кропотова⁶. Предметом всех этих исследований является корпус фибул юга Восточной Европы: классификация, датировка фибульного материала, выявление локальных территориально-хронологических групп фибул в разных культурных ареалах данной области.

Авторы публикаций тех прикамских могильников, которые содержали импортные фибулы, опираясь на общепринятые классификации А. К. Амброза и А. С. Скрипкина, а также на аналогии привозным фибулам на сопредельных территориях, датировали при помощи этих данных как комплексы погребений с фибулами, так и материалы могильников в целом⁷.

Среди специализированных публикаций, посвящённых рассмотрению импортных фибул первой половины I тыс. н. э. в Прикамье, следует отметить работы Т. А. Лаптевой, которая на основании южных аналогий и культурно-стратиграфического анализа, учитывающего сопровождающий фибулы инвентарь, выделила хронологические группы, включив туда как импортные застёжки, так и синхронные им местные фибулы. Среди поднятых ею тем – начало массового местного производства аналогов импортных застёжек⁸. Н. А. Лещинская в ходе изучения корпуса привозных фибул Тарасовского могильника (его коллекция насчитывает как минимум 29 таких экземпляров) ставит вопрос о сложности выявления среди фибул с пластинчатым корпусом и завитком на конце приёмника самых первых образцов фибул местного производства, стилистически ещё схожих с импортными. Также она намечает возможные пути поступления неместных фибул в Прикамье, связывая их появление с позднесарматским населением Южного Приуралья⁹.

Второе направление в изучении фибул связано с разработкой классификации и хронологии специфических фибул прикамского производства. Наиболее полно это направление представлено в монографии Т. И. Останиной, занимающейся изучением прикамских материалов мазунинского времени (III-V вв.). Она разработала рабочую классификацию местных фибул, определила хронологические рамки их бытования, а также провела пространственный анализ встречаемости разных типов фибул на мазунинских могильниках, выявив ареалы их распространения¹⁰.

Комплексный подход к изучению археологических источников предполагает изучение предметов не только с точки зрения классификации материала и его хронологической и культурной атрибуции, но и определение его функциональной нагрузки, семантического смысла, технологии

изготовления, состава металла, из которого они сделаны. Массив фибул пьяноборской культурно-исторической общности ещё не был предметом специального комплексного изучения. Однако следует отметить появление работ, посвящённых изучению металла Камско-Вятского междуречья при помощи естественнонаучных методов, среди которых следует отметить диссертацию П. М. Орехова по бронзолитейному производству постананьинского времени в бассейне р. Вятки¹¹; коллективную монографию, авторы которой комплексно подошли к анализу материалов клада VII в.¹², наработки автора по изучению состава металла памятников II в. до н.э. – V н. э. и в области определения технологии изготовления застёжек одежды (см. список опубликованных работ). В области изучения декора и семантического анализа прикамских фибул можно отметить только две работы – статью М. Г. Худякова¹³ и небольшой раздел в монографии В. Ф. Генинга¹⁴.

Обзор археологических публикаций, посвящённых изучению прикамских фибул и наработкам в области междисциплинарного изучения источников, показал актуальность и перспективность изучения фибул, особенно в области наименее изученных направлений – технико-технологического и морфологического. Более подробно степень изученности прикамских фибул раскрыта в первой главе работы (параграф 1.2).

Хронологические рамки исследования охватывают период бытования фибул Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э. – со времени появления первых привозных застёжек (II в.) и до конца V в. н. э.

Территориальные рамки работы ограничены, с одной стороны, ареалом распространения памятников пьяноборской культурно-исторической общности (ПКИО) и, с другой, – наличием фибул в коллекциях этих памятников, доступностью результатов археологического исследования погребальных и поселенческих памятников. В целом, это – регион Среднего Прикамья – бассейны рр. Сивы, Ижа, Вятки на правом берегу р. Камы и рр. Тулвы, Белой, Ика на левобережье Камы.

Объектом исследования являются фибулы Среднего Прикамья; в качестве **предмета** исследования выступают их типолого-морфологическая, эволюционно-хронологическая, технологическая характеристики.

Целью диссертационной работы является всесторонний анализ фибул на основе возможностей современной методической базы с акцентом на использование естественнонаучных, статистико-математических,

⁶ Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: «Алеф-Украина», 2010.

⁷ Васюткин С. М., Калинин В. К. Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986; Останина Т. И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1992; Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Ныргындинский I могильник II-III вв. на Средней Каме. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012 и др.

⁸ Лаптева Т. А. Бронзовые фибулы Прикамья // *Historia Fenno-Ugrica* 1; 1-2. Oulu: 1996. С. 711-732.

⁹ Лещинская Н. А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийского науч. конф. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 134-144.

¹⁰ Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 42-47, табл. 16, 33, 34.

¹¹ Орехов П. М. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период: дис. ... канд. ист. н.-к: 07.00.06. Ижевск, 2006. 249 с.; Лещинская Н. А., Орехов П. М. Бронзолитейное производство Вятского края в I тыс. н. э. (технологические аспекты) // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: РИО Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 173-177.

¹² Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник / Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

¹³ Худяков М. Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №11-12. С. 76-97.

¹⁴ Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Ижевск, 1967. С. 51-52.

компьютерных методов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) Проанализировать степень изученности темы и выбрать методику исследования; осуществить сбор и каталогизацию всех выявленных фибул в соответствии с выработанным алгоритмом исследования.

2) Провести классификацию массива фибул на основании разработок А. К. Амброза, А. С. Скрипкина и Т. И. Останиной; конструктивное изучение декора бабочковидных фибул и выделить групп декора.

3) Выявить комплексы сопроводительного материала из погребений с фибулами, определить хронологию комплексов; проанализировать археологический контекст находок фибул с точки зрения их роли в погребальном обряде населения.

4) Определить состав металла фибул и проанализировать возможные пути поступления металлического сырья в Прикамье; изучить технологии изготовления местных фибул, составить технологическую схему их производства.

Источниковой базой диссертационного исследования является совокупность погребальных комплексов, имеющих в своём составе фибулы. Всего в работе учтено 452 фибулы различной степени сохранности, происходящих из погребений 25 могильников и с площадок пяти городищ. Все археологические памятники соотносятся с разными локальными культурами пьяноборской культурно-исторической общности.

Наибольшая часть использованных в исследовании фибул (254 экз.) хранится в фондах Археологического музея УдГУ – в коллекциях Тарасовского (147 фибул), Тураевского I (55 экз.), Боярского «Арай» (16 экз.), Заборьинского (10 экз.), Дубровского (13 экз.), Ошкинского (3 экз.), Нырғындынского I (2 экз.), Худяковского (2 экз.), Кудашевского (1 экз.), Бобья-Учинского (1 экз.), Красноярского (1 экз.) могильников; а также в коллекциях Аргыжского (1 экз.), Зуевключевского I (2 экз.) городищ. Остальной массив фибул хранится в фондах музеев, архивов и кабинетов археологии Удмуртской Республики и соседних регионов. В частности, материалы Покровского (55 фибул), Ижевского (43 экз.), Нивского (17 экз.), Мазунинского (9 экз.), Сайгатского (7 экз.), Нырғындынского II (4 экз.), Чегандинского II (2 экз.), Быргындынского I (1 экз.) могильников, а также материалы Чужьяловского (2 экз.), Чегандинского I (1 экз.) и Нырғындынского III (1 экз.) городищ находятся на хранении в Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда (г. Ижевск). Полевые материалы Усть-Сарапульского могильника (10 фибул) хранятся в Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). Коллекции Старо-Кабановского (23 экз.), Бирского (6 экз.)¹⁵, Сасыкульского (14 экз.), Старо-Муштинского

(2 экз.), Югомашевского (1 экз.) могильников находятся в музейных учреждениях Республики Башкортостан (Национальный музей Республики Башкортостан, Музей археологии и этнографии).

Руководство полевыми археологическими изысканиями различных памятников в разные годы осуществляли: А. А. Спицын (1887-88, 1898), Л. А. Беркутов (1912-14), С. Г. Матвеев (1926), А. П. Смирнов (1932), В. Ф. Генинг (1954-57, 1959-60, 1968-72, 1975), М. А. Бухтеева (1954), Г. И. Карпова (1954), М. А. Ланько (1954), В. А. Семенов (1955-56, 1971), В. Е. Стоянов (1956-57), Н. А. Мажитов (1958-60, 1962, 1967, 1978, 1981, 1983-85, 1990-91), Н. Б. Попова (1966), С. М. Васюткин (1967-71, 1975-77, 1979-80), Р. Д. Голдина (1969-72, 1975, 1979-97), Л. И. Ашихмина (1970-72, 1975), К. И. Корепанов (1973), Т. И. Останина (1974-75, 1977-80, 1982-84), В. К. Калинин (1976-77, 1979-80), Л. Д. Макаров (1976-78), Г. Н. Клоева (Журавлева) (1977, 1979), Н. Л. Решетников (1979, 1983), Г. Н. Гарустович (1982, 1988-89, 1991, 2002), Н. В. Водолаго (1983, 1986-90), Н. И. Смирнов (1984), О. В. Арматынская (1984-86), Н. А. Лещинская (1986-87), О. А. Казанцева (1989, 1990-91, 1993-94, 1999, 2004-12), И. Ю. Пастушенко (1992), Е. М. Черных (1997-2005, 2007-2009, 2012-14), В. А. Бернц (1998, 2002-03, 2009-11), А. М. Вязников (2009).

В процессе сбора и изучения материала использованы отчёты об археологических исследованиях, хранящиеся в архиве Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ; публикации раскопок соответствующих погребальных и поселенческих памятников; научно-исследовательские статьи, монографии, диссертации и другие исследования, посвящённые различным аспектам изучения истории Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования стал комплексный подход, теоретическую часть которого составляют принципы историзма, объективности и системности в изучении отдельных категорий погребального инвентаря, а также диалектические принципы всеобщей связи явлений и процессов в динамике их развития. Всесторонний анализ отдельной категории археологического инвентаря предопределяет междисциплинарный характер работы и использование комплекса методов разных наук, таких как археология, математика, статистика, физика, антропология, этнография, география и т. д. Для выявления различных вариантов фибул применён типологический метод; определение производственных групп происходило на основании классификации технологических приёмов и операций, применённых при изготовлении фибул. В ходе определения места фибул в погребальном обряде населения пьяноборской культурно-исторической общности были задействованы методы хронологии, физической антропологии, палеодемографии, этнографических параллелей. Для выявления статистических взаимосвязей между разными типами декоративного оформления фибул применена корреляция элементов декора. Полученные данные обрабатывались методами дескриптивной статистики с визуальным

¹⁵ Бирский могильник содержит 692 погребения III-VII вв. [Султанова, 2000. С. 13], из которых часть (около 70 захоронений) считается ранней и относится к башкирскому варианту мазунинской культуры по Т. И. Останиной [Останина, 1997. С. 20, 33] или мазунинскому этапу чегандинской культуры пьяноборской общности по Р. Д. Голдиной [Голдина, 2004]. В работе учтены только фибулы из ранней части могильника.

отображением результатов посредством использования картографирования и планиграфического анализа.

Данные по технологии изготовления и составу металла застёжек получены путём применения методов естественнонаучных дисциплин, а именно – использования рентгенофлуоресцентного анализа при помощи портативного анализатора S1 Turbo SD LE (производитель – «Bruker», Германия). Данные о следах производственных операций, случаев ремонта фибул и различные технические характеристики изделий получены в ходе визуального осмотра фибул с применением увеличительных приспособлений (электронный увеличительный микроскоп с увеличением 50х-200х) и использованием макрофотосъёмки. Отдельные технологические процессы были воссозданы в ходе проведения цикла установочных экспериментов по изготовлению фибул.

Для объективного и единообразного описания всех выявленных признаков и установления взаимосвязей между ними использован набор математико-статистических методов (массовых наблюдений, группировок, обобщающих показателей). Каталогизация всех признаков и составление электронной и печатной версий свода фибул происходили в среде системы управления базами данных Microsoft Office Access по единой схеме описания признаков.

Научная новизна. Впервые на основе сбора и комплексного исследования всего доступного массива прикамских фибул первой половины I тыс. н.э. создан электронный интерактивный пополняемый каталог, включающий в себя разностороннюю характеристику застёжек. В ходе работы для каждой типологически обоснованной группы фибул был собран сопроводительный материал, его анализ с учётом датировок самих фибул позволил а) уточнить датировку некоторых типов фибул, б) подготовить основу для последующего пересмотра хронологии украшений и предметов костюма рассматриваемого времени в соответствии с новыми данными. Полученные сведения о составе металла фибул помогли выявить те группы сплавов, которые использовались при производстве данных застёжек, и установить возможные пути их поступления в Прикамье. В ходе исследования определены технологические приёмы и операции по изготовлению фибул, на основании которых впервые составлена технологическая схема производства фибул, выявлены технологические традиции их изготовления, проведён цикл репрезентативных установочных экспериментов, воссоздающих некоторые технологические процессы. Систематизация и анализ полученных данных позволили сделать выводы о развитии технологических традиций металлообработки прикамского населения.

Научно-практическая значимость работы. Данная работа является одним из примеров осуществлённого комплексного анализа отдельной категории археологического инвентаря с учётом всех основных направлений изучения археологических артефактов, применяемых в современной науке. Исследование положило начало изучению технологических характеристик

изделий из цветного металла Среднего Прикамья, заключающихся в определении состава металлического сырья и способов его обработки в ходе изготовления предмета. Алгоритм изучения фибул, а также способы, приёмы и принципы обработки, хранения и каталогизации информации о разносторонней характеристике фибул могут быть использованы при написании разноплановых научных работ как один из примеров для анализа других категорий инвентаря, при работе с музейными коллекциями и архивными материалами.

Результаты проведённого исследования могут быть применены при написании обобщающих историко-археологических трудов, при определении датировок археологического материала, подготовке учебных пособий и лекционных курсов для студентов исторических специальностей ВУЗов, построении археологических экспозиций в музеях. Полученные данные могут быть использованы при реконструкции многих сторон жизни прикамского населения – костюмных комплексов, погребальной обрядности, орнаментальных традиций, металлообрабатывающего производства и пр. Перспективы и вопросы, открывшиеся в ходе написания работы, являются заделом для продолжения дальнейших научных исследований разного уровня, в том числе при написании выпускных квалификационных работ специалистов, бакалавров и магистров.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В рамках общей традиции использования фибул населением пьяноборской культурно-исторической общности существовали локальные варианты распространения застёжек разных типов, обусловленные территориальными, хронологическими, этнокультурными особенностями. Выявление этих закономерностей возможно лишь при комплексном подходе к изучению исторического источника, включающем в себя как традиционные археологические методики, так и методы смежных с археологией наук, естественнонаучных дисциплин. Открытость информации, возможность её качественного и количественного расширения предоставляет электронная база признаков, сформированная с учётом всех паспортных и исследовательских характеристик.

2. Возникновение собственного производства фибул, развившихся из фибул с завитком на конце приёмника, было вызвано многими факторами, среди которых – высокий спрос на редкие импортные фибулы, прекращение поступления импорта из-за разрушения устойчивых торговых контактов с населением Северного Причерноморья и прекращения функционирования Доно-Волжского торгового пути. В процессе поиска собственного стиля был выработан специфический «бабочковидный» узор щитка фибул, корреляция элементов которого выявила плавное эволюционное нарастание насыщенности узора. Фибулы, неся яркую этническую нагрузку, несомненно, в пределах периода своего бытования маркировали культурное единство прикамского населения. Анализ археологического контекста находок фибул показывает, что они, являясь традиционным элементом женского костюмного

комплекса, были показателем высокого имущественного и социального статуса владелицы; во многих случаях они были включены в подарочный набор (жертвенный комплекс) умершему.

3. Анализ сопроводительного материала из захоронений с фибулами разных типов позволил уточнить некоторые даты комплексов. В некоторых случаях хронология материала и датировка самих фибул из этих же комплексов не совпадает. Зачастую исследователи склонны объяснять эту разницу запаздыванием поступления импорта в Среднее Прикамье. Однако, вероятное «запаздывание» фибул оказалось не столь велико, как предполагалось раньше, поскольку Среднее Прикамье, хоть и является самой северной в Предуралье областью выпадения римского импорта, благодаря Доно-Волго-Камскому водному пути и постоянным контактам с позднесарматским населением Южного Приуралья, было активным участником обменных процессов. Проблема же несоответствия дат сопроводительного инвентаря и самих фибул кроется, скорее, в устаревшей хронологии прикамских древностей, которую необходимо трансформировать в соответствии с новыми находками импортных датированных вещей как в Прикамье (среди которых, прежде всего, фибулы, бусы и пряжки), так и на всей территории юга Восточной Европы, в культурное пространство которого входит и среднекамский регион.

4. Преимущественным материалом для изготовления фибул был лом латунных изделий, из которого, а также из специализированных металлургических заготовок – дров, стержней и слитков латуни и бронзы – в закрытой односторонней песчано-глиняной форме изготавливались литые заготовки. При помощи использования таких приёмов как ковка, чеканка, гибка по шаблону из литой заготовки производились одночленные бабочковидные фибулы. Центр производства фибул, учитывая отработанный алгоритм их производства, высокую степень сходства в конструкции и декоративном оформлении, а также данные картографических наблюдений, локализуется в Удмуртском Прикамье.

Апробация работы. Основные результаты исследования опубликованы в 14 статьях и приложениях к монографиям, три из заявленных работ изданы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК – Вестнике Удмуртского университета и Вестнике Пермского университета. Различные аспекты исследования были озвучены на международной (Болгар, 2014), всероссийских (Екатеринбург, 2007; Сыктывкар, 2007; Ижевск, 2012, 2013; Казань, 2014; Городец, 2014) и студенческих (Челябинск, 2005 г.; Астрахань, 2006 г.) конференциях. Осуществление и апробация отдельных этапов диссертационного исследования (создание структуры электронного каталога и цикл экспериментальных работ) проходили в рамках практических курсов «Геоинформационные системы в естественных и гуманитарных науках» (УдГУ, г. Ижевск, 2012 г.) и «История древней цветной металлургии и

металлообработки» Международной полевой школы¹⁶ (г. Болгар, 2014 г.). Выработка методики комплексного анализа применительно к объекту диссертационного исследования проводилась автором в ходе выполнения грантов аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009 – 2011 г.), Российского фонда фундаментальных исследований «Этнокультурные контакты населения Камско-Вятского междуречья по результатам технико-технологических характеристик металлических изделий пьяноборских могильников I-V вв.» (2013 г.), Российского гуманитарного научного фонда «Тарасовский могильник – уникальный памятник римского времени и эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье» (2013 – 2014 гг.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников и литературы, а также трёх приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены актуальность темы, степень её изученности, хронологические и территориальные рамки исследования; сформулированы объект и предмет исследования, цели и задачи работы, определён круг привлекаемых источников; обозначены методологические и методические основы исследования, указана научно-практическая значимость результатов работы и их апробация, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «История изучения и методы исследования прикамских фибул» дана краткая характеристика археологических памятников с фибулами; рассмотрены основные публикации, посвящённые разным аспектам исследования прикамских фибул, проанализированы используемые в работах методы; на основании изученного и с учётом современной исследовательской базы археологической науки выработан алгоритм методики исследования.

Параграф 1.1. «Находки фибул в Среднем Прикамье». Массив фибул, задействованных в работе, составляет 452 экз. Большинство из них происходят из материалов 30 археологических памятников, среди которых 25 могильников и 5 городищ. Наиболее представительна в отношении находок фибул группа памятников Удмуртского Прикамья: Тарасовский (147 экз.), Покровский (55), Тураевский I (55), Ижевский (43), Нивский (17), Боярский «Арай» (16), Дубровский (13), Усть-Сарапульский (10), Заборьинский (10), Мазунинский (9), Ныргындинские I (2) и II (4), Чегандинский II (2), Быргындинский I (1) и Бобья-Учинский (1) могильники; Зуевключевское I (2), Чужьяловское (1) и Ныргындинское III (1) городища. На левобережье р. Камы, в том числе на берегах её притоков – рр. Тулва, Ик и Белая – находки

¹⁶ Выражаю благодарность руководителю направления к.и.н. С. А. Агапову, к.и.н. Т. Ю. Гошко, Д. С. Агапову и аспиранту УдГУ Д.В. Семину за консультацию и помощь в проведении цикла экспериментальных работ

фибул сделаны в материалах Старо-Кабановского (22), Бирского (6), Сасыкульского (14), Сайгатского (7), Старо-Муштинского (2), Югомашевского (1), Красноярского (1), Кудашевского (1) могильников. Часть фибул происходит из вятских памятников – Ошкинского (4) и Худяковского (2) могильников, Аргыжского городища (1). В целом, предварительный планиграфический анализ расположения памятников с учётом количества фибул в их материалах, выявил зону концентрации как самих археологических объектов, так и найденных в ходе их изучения фибул – это территория Удмуртского Прикамья.

Параграф 1.2. «Изучение прикамских фибул в отечественной археологии». Практически для каждого культурного образования в Восточной Европе характерны специфические варианты фибул, однако есть и общие для всех образцы, которые легли в основу каждой из местных разновидностей фибул. На настоящий момент для фибул Восточной Европы актуальной остаётся классификация, созданная А. К. Амброзом¹⁷, расширенная и дополненная А. С. Скрипкиным¹⁸. В 2010 г. огромный массив фибул сарматского времени юга Восточной Европы был систематизирован В. В. Кропотовым. Статистическая выборка крайне внушительна (более 6000 экз.) и обработана с точки зрения типологии, классификации и основных технологических приёмов производства фибул сарматской эпохи¹⁹. Находки импортных фибул в Среднем Прикамье были предметом изучения нескольких авторов – Т. А. Лаптевой (1996), А. А. Красноперова (2008), Н. А. Лещинской (2010).

Типичные для Прикамья местные типы фибул, база находок которых пополнялась в течение последних 150 лет благодаря многочисленным полевым работам на памятниках первой половины I тыс. н. э., опубликованы, в основном, при издании материалов раскопок могильников. Стандартная схема описания, характерная для такого типа публикаций, обычно включает в себя информацию об общем количестве фибул на памятнике; вариантах их месторасположения в погребениях; краткую характеристику материала застёжек; выделение местных типов фибул и аналогии им в других прикамских памятниках этого времени; выделение импортных фибул и определение путей их поступления²⁰. Автором классификации местных

прикамских типов фибул и хронологических определений каждой из групп является Т. И. Останина; типы выделены ею по внешнему виду застёжек, варианты – по форме, размеру, материалу²¹.

В целом, обзор археологических публикаций, посвящённых изучению прикамских фибул, показал актуальность комплексного изучения этой категории находок, особенно с точки зрения незадействованных на данный момент направлений, касающихся технико-технологической характеристики изделий и активном использовании междисциплинарных статистико-математических и компьютерных методов.

Параграф 1.3. «Методика исследования». Комплексный подход к изучению источника невозможен без использования совокупности традиционных для археологии методов – типологического, сравнительного, картографического, планиграфического и т. д. Помимо этого, в данном исследовании для определения технико-технологической характеристики фибул, использованы рентгенофлуоресцентный и экспериментальный методы, задействован структурно-семиотический анализ декора. Методика проведения каждого из них неоднократно отработана автором в ходе практических и теоретических исследований²². Проблема систематизации и унификации информационного потенциала археологических находок, всё более актуальная с ростом количества различных методов, каждый из которых несёт разнородную информацию об одной и той же единице исчисления, диктует необходимость организации информации. Анализ публикаций, посвящённых этой тематике, позволил автору разработать алгоритм хранения знаний, формой сбора которых стала электронная база данных²³. Таким образом, сочетание в исследовании набора общенаучных и специальных методов, а также чёткое понимание алгоритма работы, структурированное отображение полученных знаний и математико-статистический анализ совокупности признаков позволили провести комплексную характеристику фибул, определив их информационный потенциал как источника по хронологии, культурной стратификации, материальному производству древнего общества.

Во второй главе «Классификация прикамских фибул» массив застёжек, использованных в работе, разделён на группы как согласно общепринятым

¹⁷ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Археология СССР. САИ, вып. Д1-30. М.: Наука, 1966.

¹⁸ Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология. 1977. № 2.

¹⁹ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Изд-во «Адеф-Украина», 2010.

²⁰ Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на средней Каме // Вопросы археологии Урала. Вып.4. Свердловск, 1964; Генинг В.Ф. Ижевский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып.7. Свердловск, 1967; Генинг В.Ф., Мырзина Е.М. Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып.7. Свердловск, 1967; Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984; Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1992; Васюткин С.М., Калинин В.К. Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986; Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: Изд-во «БНЦ УрО РАН», 1992; Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме, т. I, II. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003, 2004; Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в

Среднем Прикамье. Ижевск: Удмуртия, 2010; Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II-III вв. на Средней Каме. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012 и др.

²¹ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртия, 1997.

²² Сабирова Т.М. Виртуализация музейного пространства как новая форма научно-образовательной деятельности УдГУ // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013; Сабирова Т.М., Сабиров Т.Р. Планиграфический анализ фибул Тарасовского могильника I-V вв. // Материалы Археологического съезда. Т. II. – Казань, 2014 и др.

²³ Сабирова Т.М. Создание электронной базы данных по археологическим источникам (на примере фибул из Археологического музея УдГУ) // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012.

классификациям, так и по результатам конструктивного изучения декора одной из разновидностей местных фибул – бабочковидных.

Параграф 2.1. «Классификация местных и привозных фибул». Импортные и местные фибулы часто встречаются вместе в закрытых погребальных комплексах, однако их происхождение совершенно различно: истоки одних следует искать в урало-поволжских степях и севернопричерноморских территориях, другие являются отражением местных традиций производства и орнаментации бронзовой пластики. Исходя из этого, классификация фибульного материала в работе выполнена в разных рангах: импортные фибулы распределены на группы согласно классификации А. К. Амброза, местные – согласно классификации Т. И. Останиной.

Характеристика типов местных фибул включает в себя их количественную характеристику, а также источник их происхождения. К разным вариантам бабочковидных фибул (тип 1 по Т.И. Останиной) отнесена 171 застёжка; к фибулам сайгатского типа (тип 2 по Т.И. Останиной) отнесены 49 экз.; к бантикообразным фибулам – 26 экз. Небольшие изменения, а, скорее, дополнения к этой классификации связаны с делением массива «сайгатских» фибул на три группы согласно форме спинки (ажурная, с выступами, прямоугольная). Также, в связи с новыми находками, которые происходят из погребений Тураевского I и Дубровского могильников, выделен новый тип местных фибул – трёхщитковые, являющиеся неким промежуточным вариантом между бабочковидными и «сайгатскими» фибулами.

Массив импортных фибул, исходя из их типологического соответствия общепринятой в отечественной археологии классификации А. К. Амброза, с использованием дополнений А. С. Скрипкина, Г. Ф. Корзухиной и Е. Л. Гороховского, разделён на следующие группы: раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «авцисса» (2 экз.); фибулы-броши (4 экз.); сильно профилированные фибулы причерноморских типов (7 экз.); крупные пружинные фибулы с гладким корпусом и с едва намеченной кнопкой на конце пластинчатого приёмника (11 экз.); фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (26 экз.); проволочные одночленные лучковые подвязные фибулы (11 экз.); двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой (4 экз.); двучленные «воинские» фибулы (3 экз.); Т-образные (2 экз.) фибулы.

На основании данных о качественной и количественной встречаемости разных типов фибул в археологических материалах выделены «контактные» (содержащие в погребениях импортные фибулы) и «традиционные» (материалы которых представлены только местными типами фибул) памятники, отражающие пути поступления в Среднее Прикамье привозных образцов и эволюцию развития местных типов фибул.

Параграф 2.2. «Группы декора бабочковидных фибул». Бабочковидные фибулы, являясь одной из специфичных вещей, определяющих материальную культуру населения Среднего Прикамья, отличаются друг от друга только по

декору: именно его изменение является главным признаком, позволяющим говорить о смене вариантов застёжек. Т. И. Останина, на основании размеров и степени орнаментальной насыщенности декора, выделила пять вариантов бабочковидных фибул. Структурно-семиотический анализ композиции щитка фибул позволил выявить шесть групп совершенно идентичных бабочковидных фибул из цветного металла, а также разделить массив биметаллических бабочковидных фибул на два устойчивых варианта: с одним рядом боковых пластинок и с двумя рядами пластинок. Тенденция увеличения насыщенности и размеров щитка фибул из цветного сплава позволяет предположить такое же развитие у биметаллических застёжек – от более простых и мелких (с одним рядом пластинок) до более крупных и насыщенных орнаментом (с двумя рядами). В ходе изучения декора была дана характеристика дополнительным декоративным составляющим фибул – украшению пружины, цепочкам, привескам и подвескам; определены случаи их использования.

Краткая и предварительная характеристика семантической нагрузки декора бабочковидных фибул (являющейся, несомненно, задачей отдельного исследования) позволило признать их важность с точки зрения самосознания населения. Абсолютная симметрия верхнего и нижнего поля бабочковидных фибул, наличие идентичного декора в среднем поле позволяет предполагать, что они могли являться отражением представления народа о трёхчленном делении мира. Эта гипотеза находит подтверждение в этнографических параллелях и может объяснять немногочисленность случаев находок бабочковидных фибул за пределами определённого круга памятников, поскольку предметы религиозно-мифологического культа народности, конечно же, не могли выступать средством товарно-обменных отношений.

Третья глава «Археологический контекст находок фибул» посвящена характеристике сопровождающего фибулы археологического материала, так и в целом погребального обряда захоронений с фибулами.

Параграф 3.1. «Хронологические группы комплексов с фибулами». Особенностью археологических материалов пьяноборской культурно-исторической общности является отсутствие абсолютно датированных вещей; вместе с тем, в закрытых погребальных комплексах встречаются разные предметы импорта, совокупное исследование которых позволяет оценить хронологические рамки комплекса в целом. На основании анализа взаимовстречаемости находок и определении датирующих аналогий к ним, Т. И. Останина распределила большинство местных фибул по хронологическим группам²⁴. Анализ комплексов сопроводительного инвентаря из погребений с привозными и местными типами фибул (в выборку попали 262 погр.) был проведён на основе типологии и датировки прикамских материалов первой половиной I тыс. н. э., разрабатываемых в разные годы В. Ф. Генингом, Б. Б. Агеевым, Т. И. Останиной, Р. Д. Голдиной,

²⁴ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 103-109.

Н. А. Лещинской; а также при активном использовании датировок привозных застёжек, предложенных А. К. Амброзом, А. С. Скрипкиным, М. Г. Мошковой, В. А. Малашевым, В. В. Кропотовым и др.

Совокупность датировок разных встреченных внутри комплексов предметов, их сравнение с датировками фибул, предложенными разными исследователями, позволили подтвердить или уточнить имеющиеся даты бытования разных типов фибул. В результате исследования были получены следующие даты комплексов с фибулами разных типов в Среднем Прикамье:

Тип фибулы:	Датировка:
Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «авцисса» – группа 5 по А. К. Амброзу	конец I (?) – II в.
Сильно профилированные фибулы причер-номорских типов – группа 11 по А. К. Амброзу	II в. – начало III в.
Крупные пружинные фибулы с гладким корпусом и с едва намеченной кнопкой на конце приёмника – тип 12 по А. К. Амброзу	II в. – начало III в.
Проволочные одночленные лучковые подвязные фибулы – группа 15 по А. К. Амброзу	III в.
Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника – группа 13 по А. К. Амброзу	конец II – III вв.
Фибулы-броши – группа 8 по А. К. Амброзу	конец II – III вв.
Бабчовидные фибулы – тип 1, вариант 1 по Т. И. Останиной	конец III – начало IV вв.
Бабчовидные фибулы – тип 1, варианты 2, 3 по Т. И. Останиной	IV в.
Бабчовидные фибулы – тип 1, вариант 4 по Т. И. Останиной	конец IV – начало V в.
Двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой – группа 17 по А. К. Амброзу	вторая половина IV – начало V в.
Двучленные «воинские» фибулы – группа 16 по А. К. Амброзу	IV-V в.
Бабчовидные фибулы – тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (с одним рядом пластинок)	середина IV – V в.
Бабчовидные фибулы – тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (с двумя рядами пластинок); фибулы сайгатского типа (тип 2); бантикообразные фибулы (тип 3); трёхщитковые фибулы	V в.

В некоторых случаях хронология материала и датировка самих фибул из этих же комплексов не совпадает. Зачастую исследователи склонны объяснять эту разницу запаздыванием поступления импорта в Среднее Прикамье. Однако, картографический анализ находок импортных фибул как в Среднем Прикамье, так и на соседних территориях, показал, что бассейн р. Камы, хоть и являлся самым северным в Предуралье регионом выпадения в комплексы римского импорта, не был настолько отдалённым регионом благодаря действующему доно-волжско-камскому пути, а также активным связям со степным населением Южного Приуралья. Вероятно, проблема несовпадения дат кроется и в устаревшей хронологии прикамских древностей, которую необходимо трансформировать в соответствии с

новыми находками импортных датированных вещей как в Прикамье (среди которых, прежде всего, фибулы, бусы и пряжки), так и на всей территории юга Восточной Европы, в культурное пространство которого входит и среднекамский регион.

Параграф 3.2. «Использование фибул в погребальном обряде». Анализ археологического контекста находок фибул позволяет прояснить большое количество вопросов, касающихся способов их использования, данных о половозрастной и социальной характеристике носителей фибул, некоторых деталях костюмного комплекса пьяноборского населения. На основании изучения погребальных комплексов с фибулами определена их роль как индикатора половозрастной стратификации, а также имущественного (и во многом социального) статуса носителя. Так, среднестатистическая фибула использовалась женщиной половозрелого возраста в качестве застёжки верхней одежды, сделанной из ткани или меха (возможно также кожи). Примерно в каждом одиннадцатом случае фибулы были обнаружены в мужских захоронениях: как в составе подарочного набора от родственников, так и на теле умерших – в местах предполагаемого использования фибул (шея-грудь-пояс). Изредка фибулы клали на грудь умершим детям, возможно, ими застёгивалась их погребальная рубаша, т. к. именно эти экземпляры фибул – небольшие по размеру и могли использоваться как застёжки для скрепления ворота рубашки.

Фибулы являлись показателем довольно высокого имущественного (и, видимо, – социального) статуса умерших, что обусловлено престижностью и дороговизной самих фибул, большим количеством уложенных в могилу вещей, в том числе и в составе подарочных наборов (жертвенных комплексов). Обычно на каждом могильнике превалирует одна из традиций местоположения фибул: на теле умерших в составе погребального костюма или в составе подарочного набора, картографически памятники с этими преобладающими вариантами разделились на две локальные группы. Фибулы чаще клали в подарочный набор на правобережье р. Камы, в могильниках на её левом берегу эти застёжки чаще находят на теле умерших.

В **четвёртой** главе «Изучение производства фибул» дана технико-технологическая характеристика фибул: выявлены и охарактеризованы основные группы сплавов, используемых для изготовления фибул, реконструированы способы изготовления разных производственных групп фибул.

Параграф 4.1. «Состав металла фибул». Рентгенофлуоресцентное исследование с целью определения состава металла, из которого изготовлены фибулы, осуществлено для 67 экземпляров застёжек из погребений Тарасовского, Боярского «Арай», Заборьинского, Дубровского, Ошкинского, Нырғындынского I, Худяковского, Красноярского могильников. Выборка обусловлена сохранностью металла и возможностью проведения измерений на очищенной от патины поверхности изделия. Проведённые измерения позволили выявить 7 типов сплавов на основе меди, основываясь на

классификации Н. В. Ениосовой, Р. А. Митояна и Т. Г. Сарачевой²⁵, из которых изготовлены фибулы. Это – группа чистой меди; оловянная и оловянно-свинцовая бронзы; двухкомпонентная, оловянная, свинцовая и многокомпонентная латуни. В целом, 84,5% фибул оказались сделаны из различных латуней: их количество в несколько раз превосходит количество фибул, изготовленных из бронз и чистой меди. Только десятая часть фибул из выборки (9,9%) сделана из бронзовых сплавов, а еще 5,6% застёжек – из чистой меди. Преобладание многокомпонентных сплавов меди с добавками цинка, свинца и олова, судя по всему, свидетельствует об использовании в качестве основного сырья лома цветных металлов – остатков производства или сломанных украшений. Анализ рудных месторождений основных компонентов сплавов цветных металлов (меди, олова, свинца, цинка), характеристика найденных в синхронных могильниках полуфабрикатов (слитков) позволили считать источником поступления латуни в Прикамье как импортные украшения, так и специализированные заготовки – «товаро-деньги». Появление в V в. большего количества фибул, изготовленных не из латуни, а из бронзы, может свидетельствовать о смене источников поступления металла; однако этот вопрос сможет прояснить лишь дальнейшее изучение цветного металла пьяноборской культурно-исторической общности.

Параграф 4.2. «Технология изготовления фибул». Последовательность производственных операций для изготовления фибул обусловлена как конструктивными особенностями изделия, так и имеющимся в наличии материалом и инструментарием; а также тем набором знаний, умений и навыков, которыми обладал мастер. Сочетание трасологического анализа и использования экспериментального метода при реконструкции отдельных этапов производства позволили восстановить технологию изготовления прикамских бабочковидных фибул всех вариантов.

В ходе исследования выявлены основные технологические операции, совокупность необходимых инструментов, набор используемых мастеров техник обработки металла. Составлена технологическая карта изготовления одночленных бабочковидных фибул; реконструирован возможный вид литейной формы для изготовления заготовки одночленной фибулы; реконструирован и экспериментально подтверждён способ изготовления пружинного устройства фибул. Большая часть одночленных бабочковидных фибул из цветного металла выполнена по единой схеме, путём обработки отлитой в закрытую одностороннюю форму заготовки. Обработка заготовки заключается в проковке щитка фибулы и чеканке узора на нём. Изготовление пружинного устройства также связано с проковкой отлитого стерженька в проволоку, которая сгибалась по шаблону в пружину, а её длинный конец расковывался в иглу. Приёмник фибулы изготавливался при помощи

формирования пластины, которая загибалась вокруг прутка-шаблона и изготовления завитков из расплющенного и разрубленного «хвостика» литой заготовки. В случае поломки осуществлялся ремонт, который мог выражаться в замене деталей, или скреплении между собой отломанных фрагментов. Постоянное увеличение площади щитка привело к необходимости укреплять его с оборотной стороны органическими подкладками – кожей, берестой, тканью, и, в конечном итоге, способствовало появлению нового типа фибул – биметаллических. Их изготовление проходило в схожей последовательности. Однако щиток таких фибул был сделан из железной пластинки, на которую крепились декоративные элементы (пластинки с чеканным узором и заклёпки-полугорошины), а также приёмник и пружина, которые изготавливались отдельно либо из цветного, либо из чёрного металлов.

Отработанный алгоритм технологии изготовления фибул, их крайнее конструктивное сходство и идентичный стиль декора заставляют предполагать наличие одного центра по их производству. К сожалению, археологические следы предполагаемой мастерской не выявлены, однако, судя по локализации бабочковидных и других местных типов фибул, такой центр должен располагаться на территории современной Удмуртской Республики, т. к. основные находки фибул сконцентрированы именно здесь.

В заключении подведены итоги и изложены выводы по теме исследования. В ходе работы выполнен комплексный анализ фибул с учётом возможностей современной методической базы и решены все поставленные задачи. Главным результатом исследования стало расширение информационного потенциала фибул как источника по многим областям знаний о древнем обществе. В основе исследовательской работы лежал интерактивный пополняемый свод фибул Среднего Прикамья.

Установлены основные пути поступления фибул в Прикамье, среди которых – доно-волго-камский речной путь и путь, пролегающий по течению рр. Ик и Белая. Анализ встречаемости импортных фибул показал наличие устойчивых торгово-культурных связей местного населения с окружающими народами. Поступление привозных фибул началось с конца I – II в. н. э. и не прерывалось вплоть до окончания функционирования исследуемых археологических памятников. Ранние экземпляры импортных застёжек отчётливо связаны с позднесарматским населением Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, о чём свидетельствуют многочисленные аналогии. В свою очередь, до середины III в. основным направлением культурных связей приуральских кочевников были районы Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Кавказа. Анализ комплексов с импортными фибулами и их картографических привязок показывает активное использование волжского торгового пути, через который фибулы попадали в Среднее Прикамье непосредственно по р. Кама.

Именно территория Удмуртского Прикамья стала центром распространения специфичных бабочковидных фибул местного

²⁵ Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А. А. Коновалов, Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева. М.: Вост. лит., 2008. 191 с.

производства. Первые экземпляры фибул с этим типом декора найдены на памятниках в междуречье Ижа и Камы; последующие варианты распространяются на соседние территории и ко времени бытования наиболее поздних вариантов бабочковидных фибул их можно найти и на право- и на левобережных памятниках пьяноборской культурно-исторической общности. Другие местные типы этих застёжек (сайгатского типа, бантикообразные, трёхщитковые) имеют схожую с синхронными вариантами бабочковидных фибул территорию распространения.

Важная роль фибул как в костюмном комплексе, так и в самом погребальном обряде обусловлены престижностью и дороговизной фибул. Лучше всего данный тезис подтверждается при помощи результатов анализа состава металла этих застёжек: в ходе рентгенофлуоресцентного исследования доказано преимущественное использование для изготовления фибул различных видов латуней – сплавов на основе меди с содержанием цинка от 1%. Не обладая природными источниками цинковых руд, местное население вынуждено было использовать привозной металл как напрямую – в виде слитков/дротов («товаро-денег»), так и опосредованно – используя в качестве источника металла лом привозных латунных изделий.

Устойчивая металлообрабатывающая традиция изготовления местных форм фибул, выявленная в ходе данной работы, в сочетании с единообразием в декоре и стилистическом оформлении, свидетельствует о наличии единого производственного центра, который должен располагаться, судя по данным картографического распределения местных типов фибул в Удмуртском Прикамье на территории современного Сарапульского района. Учитывая высокую степень концентрации всех типов местных фибул в материалах Тарасовского могильника и наличие в его же материалах импортных образцов (примеров для копирования) следует считать именно эту территорию местом расположения центра по изготовлению этих застёжек.

Вместе с тем, исследование открывает перспективы для дальнейших разработок, связанных с привлечением дополнительных материалов и углублением существующих подходов. Так, планиграфический анализ фибул, показавший свой огромный потенциал для выявления хронологических групп на площадке погребального памятника, будет ещё нагляднее при использовании помимо фибул других предметов импорта, таких как бусы и пряжки. Также перспективным является дальнейшее экспериментальное исследование, которое от цикла установочных работ должно перейти к реконструкции полного процесса изготовления этих застёжек. Алгоритм и методика проведённого исследования могут послужить одним из примеров комплексного исследования других категорий археологического инвентаря с учётом специфики их археологического контекста.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Сабирова Т. М. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии / Т. М. Сабирова // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Серия «История и филология». – Вып. 1. – С. 113-118.

2. Сабирова Т. М. Изучение декора бабочковидных фибул Среднего Прикамья // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология. – 2014. – Вып. 3. – С. 101-107.

3. Сабирова Т. М., Перовошиков С. Е. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. / Т. М. Сабирова, С. Е. Перовошиков // Вестник Пермского государственного университета. – 2014. – Серия «История». – Вып. 1 (24). – С. 71-82.

в других изданиях:

4. Григорьева Т. М. Технология изготовления бронзовых застёжек Тарасовского могильника / Т. М. Григорьева // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Челябинск: ЮУКИ, 2005. – С.63-64.

5. Григорьева Т. М. Сюльгамы Тарасовского могильника / Т. М. Григорьева // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань, 2006. – С.94-95.

6. Григорьева Т. М. Технология изготовления застёжек с неподвижным крючком Тарасовского могильника I-V вв. / Т. М. Григорьева // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург-Сургут, 2007. – С.183-185.

7. Григорьева Т. М., Сабиров Т. Р. Металлические костюмные украшения как элемент погребальной обрядности Тарасовского могильника I-V веков на Средней Каме / Т. М. Григорьева, Т. Р. Сабиров // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: РИО Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С.74-76.

8. Сабирова Т. М. Создание электронной базы данных по археологическим источникам (на примере фибул из Археологического музея УдГУ) / Т. М. Сабирова // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. – С. 207-211.

9. Сабирова Т. М. (в соавт. с: Голдина Р. Д., Перовошиков С. Е.) О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II – III вв. н. э. на Средней Каме / Р. Д. Голдина, С. Е. Перовошиков, Т. М. Сабирова // в книге: Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 341-362.

10. Сабирова Т. М. Виртуализация музейного пространства как новая форма научно-образовательной деятельности УдГУ / Т. М. Сабирова // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 243-245.

11. Сабирова Т. М. (в соавт. с: Перовошиков С. Е.) К вопросу о «бляхах-зеркала» Прикамья на примере Ныргындинского I могильника (II-III вв. н.э.) / С. Е. Перовошиков, Т. М. Сабирова // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 211-214.

12. Сабирова Т. М. (в соавт. с: Перовошиков С. Е.) Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа / С. Е. Перовошиков, Т. М. Сабирова // в книге: Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). – Ижевск: «Сарапульская типография», 2014. – С. 452-470.

13. Сабирова Т. М. (в соавт. с: Сабиров Т. Р.) Планиграфический анализ фибул Тарасовского могильника I–V вв. / Т. М. Сабирова, Т. Р. Сабиров // Материалы Археологического съезда. Т. II. – Казань, 2014. – С. 406-409.

14. Сабирова Т. М. Бабочковидные фибулы Тарасовского могильника: состав сплава и технология изготовления / Т. М. Сабирова // Международная полевая археологическая школа. Материалы. Вып. 1. – Казань-Болгар, 2014. – С. 101-104.